

ДЖЕЙМС ХИЛТОН ПРОЩАЙ, МИСТЕР ЧИПС

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И УВАЖЕНИЯ

Джеймс Хилтон

Прощай, мистер Чипс

<https://litres.ru/74251862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман (часто называют повесть) Джеймса Хилтона «Прощай, мистер Чипс» (Goodbye, Mr. Chips) добился всемирной славы и разошёлся тиражом в миллионы экземпляров. Это трогательная история о жизни Артура Чиппинга, известного своим ученикам как мистер Чипс, рассказывает о его работе учителем латыни в уединённой провинциальной школе для мальчиков. С момента выхода в 1934 году книга завоевала сердца читателей по всему миру и легла в основу нескольких экранизаций, включая знаменитый фильм 1939 года. В течение сорока трёх лет мистер Чипс был неотъемлемой частью учебного заведения, став его сердцем и душой. Его преданность, искренняя любовь к детям и обаятельный юмор оказали глубокое влияние на множество жизней, изменив их навсегда. Эта книга — трогательная история о скромном человеке, чья доброта и мудрость коснулись так многих, оставив неизгладимый след в их судьбах. Перед вами — новый перевод этой классической повести на русский язык, бережно сохраняющий тепло и лёгкий юмор оригинала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Прощай, мистер Чипс

Глава 1

Когда ты в преклонном возрасте (но, конечно, не болен), тебя порой очень клонит в сон, и часы пролетают, словно ленивые коровы, несущиеся по пейзажу. Так было и с Чипсом, когда осенний семестр приближался к концу, а дни становились короче, пока не стемнело настолько, что можно было зажечь газ перед перекличкой. Чипс, подобно старому морскому капитану, всё ещё измерял время по сигналам прошлого; и это было вполне оправданно, ведь он жил у миссис Уикетт, прямо через дорогу от школы. Он прожил там больше десяти лет, с тех пор как окончательно оставил свою должность; и время в Брукфилде было гораздо важнее, чем время в Гринвиче, которое соблюдали и он, и его хозяйка. «Миссис Уикетт, — пропел Чипс своим прерывистым, высоким голосом, в котором ещё оставалась достаточная бодрость, — не могли бы вы принести мне чашку чая перед подготовкой к урокам?»

Когда ты уже в преклонном возрасте, приятно посидеть у камина, выпить чаю и послушать школьный звонок, возвещающий об обеде, перекличке, подготовке к урокам и отбое. Чипс всегда заводил часы после последнего звонка; затем он ставил проволочную решётку перед камином, выключал газ

и нёс в постель детективный роман. Редко он читал больше страницы, прежде чем сон наступал быстро и мирно, скорее как мистическое усиление восприятия, чем как изменчивое погружение в другой мир. Ибо его дни и ночи были одинаково полны сновидений.

Он был уже в преклонном возрасте (но, конечно, не болен); более того, как говорил доктор Меривейл, с ним действительно ничего не случилось. «Дорогой мой, ты в лучшей форме, чем я», — говорил Меривейл, потягивая херес, когда заходил примерно раз в две недели. «Ты уже не в том возрасте, когда болеют этими ужасными болезнями; ты один из немногих счастливчиков, которые умрут естественной смертью. Конечно, если вообще умрешь. Ты такой замечательный старик, что никогда не знаешь, что случится». Но когда Чипс простужался или когда над болотами бушевал восточный ветер, Меривейл иногда отводил миссис Уикетт в сторону в вестибюле и шептал: «Позаботьтесь о нем, знаете ли. Его грудная клетка... это создает нагрузку на сердце. На самом деле с ним все в порядке — только старость (*Anno Domini*), но это в конце концов самая фатальная из всех болезней».

Anno Domini... ну да, клянусь Юпитером. Родившись в 1848 году и будучи совсем маленьким, побывав на Всемирной выставке — немногие из ныне живущих могли похвастаться чем-то подобным. Кроме того, Чипс даже помнил Брукфилд во времена Уэтерби. Это было настоящее явление. Уэтерби в те дни — 1870 год — был уже стариком, которого

легко было вспомнить из-за франко-прусской войны. Чипс поступил в Брукфилд после года в Мелбери, который ему не понравился, потому что там его изрядно потрепали. Но Брукфилд ему *понравился* почти с самого начала. Он помнил тот день своего предварительного собеседования — солнечный июнь, воздух был наполнен ароматом цветов, а на поле раздавался стук крикетных мячей. Брукфилд играл против Барнхерста, и один из парней из Барнхерста, пухленький малыш, сделал блестящий сотенный результат. Странно, что такое так отчетливо сохранилось в памяти. Сам Уэтерби был очень отеческим и учтивым; должно быть, он тогда болел, бедняга, потому что умер во время летних каникул, еще до начала первого семестра Чипса. Но они все равно виделись и разговаривали друг с другом.

Сидя у камина у миссис Уикетт, Чипс часто думал: «Наверное, я единственный человек в мире, кто так ярко помнит старый Уэтерби... Ярко, да; этот летний день, когда солнечный свет пробивался сквозь пыль в кабинете Уэтерби, часто возникал у него в голове. «Вы молодой человек, мистер Чиппинг, а Брукфилд — старый университет. Молодость и возраст часто хорошо сочетаются. Отдайте свой энтузиазм Брукфилду, и Брукфилд даст вам что-то взамен. И не позволяйте никому вас обманывать. Я... э-э... полагаю, дисциплина не всегда была вашей сильной стороной в Мелбери?»

«Ну, нет, пожалуй, нет, сэр».

«Не переживай; ты ещё молод; всё дело в опыте. У тебя

ещё есть шанс. С самого начала займи твёрдую позицию — в этом секрет».

Возможно, так и было. Он помнил то первое ужасное испытание — подготовку к экзаменам; сентябрьский закат более полувека назад; Большой зал, полный буйных варваров, готовых наброситься на него как на свою законную добычу. Его юность, свежий цвет лица, высокий воротник и щетина (странная мода тех дней), во власти пятисот беспринципных головорезов, для которых издевательство над новыми хозяевами были изящным искусством, захватывающим развлечением и своего рода традицией. Отдельные порядочные нищие, но в толпе — просто безжалостные и неумолимые. Внезапная тишина, когда он занял свое место за столом на возвышении; хмурый взгляд, который он принял, чтобы скрыть свою внутреннюю нервозность; тиканье высоких часов позади него и запах чернил и лака; последние кроваво-красные лучи, пробивающиеся сквозь витражи. Кто-то уронил крышку стола. Он должен быстро всех удивить; он должен показать, что в нем нет места глупостям. «Ты там, в пятом ряду, — ты, с рыжими волосами, — как тебя зовут?» — «Колли, сэр». — «Очень хорошо, Колли, у тебя сто строк». После этого никаких проблем не возникло. Он выиграл свой первый раунд.

А много лет спустя, когда Колли был олдерменом лондонского Сити, баронетом и занимал другие должности, он отправил своего сына (тоже рыжеволосого) в Брукфилд, и Чипс

говорил: «Колли, твой отец был первым мальчиком, которого я наказал, когда приехал сюда двадцать пять лет назад. Он заслужил это тогда, и ты заслуживаешь это сейчас». Как же все смеялись; и как смеялся сэр Ричард, когда его сын написал домой эту историю в письме в следующее воскресенье!

И снова, спустя годы, много лет спустя, появилась ещё лучшая шутка. Ведь только что прибыл ещё один Колли — сын Колли, который, в свою очередь, был сыном первого Колли. И Чипс, подчеркивая свои замечания тем маленьким «умф-ум», который к тому времени стал для него привычкой, говорил: «Колли, ты — умф — великолепный пример — умф — унаследованных традиций. Я помню твоего деда — умф — он никак не мог постичь оборот «аблатив абсолютный». Глупец, твой дед. И твой отец тоже — умф — я помню его — он сидел за тем дальним столом у стены — он тоже был не намного лучше. Но я верю — мой дорогой Колли — что ты — умф — самый большой дурак из всех!» Раздался взрыв смеха.

Стареть — это, конечно, забавно, но в то же время и грустно. И пока Чипс сидел у камина, а осенние порывы ветра сотрясали окна, волны юмора и грусти часто накатывали на него, пока не начинали литься слезы. Так что, когда миссис Уикетт вошла с чашкой чая, она не знала, смеялся он или плакал. И сам Чипс тоже не знал.

Глава 2

Через дорогу, за стеной из древних вязов, лежал Брукфилд, зарумяненный под осенним покровом выющихся растений. Группа зданий XVIII века располагалась вокруг внутреннего двора, а за ним простирались обширные игровые поля; затем тянулась небольшая зависимая деревня и открытые болотистые местности. Брукфилд, как говорил Уэтерби, был старым учреждением; основанный во времена правления Елизаветы как гимназия, он мог бы, при большей удаче, стать таким же знаменитым, как Харроу. Однако удача ему не улыбнулась; школа переживала взлеты и падения, то почти исчезнув, то став почти прославленной. Именно в один из этих последних периодов, во времена правления первого Георга, основное здание было перестроено и к нему были сделаны большие пристройки. Позже, после наполеоновских войн и до середины викторианской эпохи, школа снова пришла в упадок, как по численности, так и по репутации. Уэтерби, пришедший в 1840 году, несколько восстановил ее положение; Однако последующая история так и не возвела его в высший эшелон. Тем не менее, это была хорошая школа второго сорта. Ее поддерживали несколько известных семей; она выпускала немало выдающихся деятелей того времени — судей, членов парламента, колониальных администраторов, нескольких пэров и епископов. В основном, одна-

ко, она выпускала торговцев, промышленников и представителей различных профессий, а также немало сельских помещиков и священников. Это была такая школа, упоминание о которой иногда заставляло снобов признаваться, что они, скорее, слышали о ней.

Но если бы это была не такая школа, она, вероятно, не приняла бы Чипса. Ведь Чипс, в любом социальном или академическом смысле, был столь же респектабельным, но не более талантливым, чем сам Брукфилд.

Поначалу ему потребовалось некоторое время, чтобы это осознать. Не то чтобы он был хвастливым или самонадеянным, но в свои двадцать с небольшим лет он был столь же амбициозен, как и большинство других молодых людей в этом возрасте. Его мечтой было в конечном итоге получить должность директора или, по крайней мере, старшего преподавателя в действительно первоклассной школе; лишь постепенно, после многочисленных попыток и неудач, он осознал недостаточность своей квалификации. Его образование, например, было не особенно хорошим, а его дисциплина, хотя и достаточно хорошая и улучшающаяся, не была абсолютно надежной при любых условиях. У него не было личных средств и каких-либо важных семейных связей. Примерно в 1880 году, проработав в Брукфилде десять лет, он начал понимать, что шансы на улучшение своего положения, переехав в другое место, крайне малы; но примерно в это же время возможность остаться там, где он был, начала занимать

комфортное место в его сознании. В сорок лет он обосновался, устроился и был вполне счастлив. В пятьдесят он был старейшиной среди персонала. В шестьдесят лет, под руководством нового, молодого директора, он *был* Брукфилдом — почётным гостем на обедах для выпускников Брукфилда, своего рода апелляционным судом по всем вопросам, касающимся истории и традиций Брукфилда. А в 1913 году, когда ему исполнилось шестьдесят пять, он вышел на пенсию, получил чек, письменный стол и часы и переехал через дорогу к миссис Уикетт. Достойная карьера, достойно завершённая; трижды ура старому Чипсу! — кричали все на том шумном заключительном обеде.

Троекратное ура, конечно; но это было ещё не все, впереди ждал неожиданный эпилог, выход на бис перед трагически пострадавшей публикой.

Глава 3

Это была небольшая, но очень уютная и солнечная комната, которую ему сдала миссис Уикетт. Сам дом был некрасивым и претенциозным, но это не имело значения. Главное было удобство. Ведь, если погода была достаточно мягкой, он любил после обеда прогуляться до игровых полей и посмотреть игры. Он любил улыбаться и перебрасываться парой слов с мальчиками, когда они передавали ему свои шапочки. Он считал своим долгом познакомиться со всеми новенькими и пригласить их на чай в течение первого семестра. Он всегда заказывал ореховый пирог с розовой глазурью в деревенской пекарне «Реддэвей», а зимой были еще и крампеты — небольшая горка перед камином, пропитанная маслом так, что нижний лежал в небольшой лужице. Гостям было забавно наблюдать, как он заваривает чай, аккуратно смешивая ложки из разных шкатулок. И он спрашивал новеньких, где они живут и есть ли у них семейные связи в Брукфилде. Он следил за тем, чтобы их тарелки никогда не были пустыми, и ровно в пять, после того как занятие длилось час, он бросал взгляд на часы и говорил: «Ну... э-э... было очень приятно... э-э... вот так встретиться... извините... э-э... вы не можете остаться...» И он улыбался и пожимал им руки на крыльце, оставляя их мчаться через дорогу в школу со своими комментариями. «Хороший парень, Чипс. В лю-

бом случае, угощает отличным чаем, и ты *же* знаешь, когда он хочет, чтобы ты уходил...»

И Чипс тоже будет делать свои замечания — миссис Уикетт, когда она войдет в его комнату, чтобы убрать остатки вечеринки. «Очень... хм... интересное время, миссис Уикетт. Молодой Брэнксом говорит мне... хм... что его дядя был майором Коллингвудом — тем самым Коллингвудом, который был у нас здесь в... хм... ну, кажется, в тысяча девятьсот втором году. Боже мой, я очень хорошо помню Коллингвуда. Однажды я его отшлёпал... хм... за то, что он забрался на крышу спортзала, чтобы достать мяч из желоба. Мог бы... хм... сломать ему шею, этот юный дурак. Вы его помните, миссис Уикетт? Должно быть, он был в ваше время».

До того как миссис Уикетт начала копить деньги, она заведовала бельевой комнатой в школе.

«Да, я знала его, сэр. Он был довольно наглым по отношению ко мне, в целом. Но между нами никогда не было никаких ругательств. Просто наглый. Он никогда не хотел причинить вред. Такие люди никогда этого не делают, сэр. Разве не он получил медаль, сэр?»

"Да, орден за выдающиеся заслуги."

«Вам еще что-нибудь понадобится, сэр?»

«Больше ничего — хм — до начала богослужения. Он был убит — в Египте, кажется... Да — хм — тогда можете принести мне ужин».

«Очень хорошо, сэр».

Приятная, спокойная жизнь у миссис Уикетт. У него не было никаких забот; пенсия была достаточной, и, кроме того, были небольшие сбережения. Он мог позволить себе все, что хотел. Его комната была обставлена просто и со вкусом школьного учителя: несколько книжных полок и спортивные трофеи; каминная полка, заставленная карточками с расписанием игр и подписанными фотографиями мальчиков и мужчин; потертый турецкий ковер; большие удобные кресла; картины на стене с изображением Акрополя и Форума. Почти все вещи были взяты из его старой комнаты в общежитии School House. Книги были в основном классическими, поскольку он изучал классику; однако присутствовали и исторические труды, и художественная литература. На нижней полке также лежала стопка дешевых изданий детективных романов. Чипс любил их читать. Иногда он брал Вергилия или Ксенофона и читал несколько минут, но вскоре возвращался к доктору Торндайку или инспектору Френчу. Несмотря на долгие годы усердной преподавательской работы, он не был глубоким знатоком классической литературы; более того, он считал латынь и греческий языки скорее мертвыми языками, из которых английские джентльмены должны знать несколько цитат, чем живыми языками, на которых когда-либо говорили ныне живущие люди. Ему нравились короткие вступительные статьи в «Таймс», которые начинались с нескольких знакомых ему фраз. Принадлежность к

сокращающемуся числу людей, понимающих подобные вещи, была для него своего рода тайным и ценным масонством; он считал это одним из главных преимуществ классического образования.

Так он жил у миссис Уикетт, наслаждаясь тихим чтением, разговорами и воспоминаниями; старик, седовласый и лишь немного лысый, всё ещё довольно активный для своего возраста, пил чай, принимал посетителей, занимался исправлениями для следующего издания Брукфельдского справочника, изредка писал письма тонким, расплывчатым, но очень разборчивым почерком. Он приглашал на чай новых учителей, а также новых учеников. В том осеннем семестре их было двое, и когда они уходили после визита, один из них заметил: «Какой забавный старик, правда? Вся эта суета с замешиванием чая — типичный холостяк, если таковой вообще существует».

Это было на удивление неверно, потому что Чипс вовсе не был холостяком. Он был женат, хотя это было так давно, что никто из сотрудников Брукфилда не помнил его жену.

Глава 4

К нему, взволнованному теплом камина и нежным ароматом чая, хлынули тысячи запутанных воспоминаний о былых временах. Весна — весна 1896 года. Ему было сорок восемь — возраст, когда привычка начинает закрепляться. Его только что назначили воспитателем в общежитии; с этим и классическими формами он обустроил себе уютный и оживленный уголок жизни. Во время летних каникул он отправился в Озерный край с Роуденом, коллегой; они гуляли и лазали по скалам целую неделю, пока Роудену внезапно не пришлось уехать по семейным делам. Чипс остался один в Уосдейл-Хед, где жил в небольшом фермерском доме.

Однажды, поднимаясь по склону Грейт-Гейбл, он заметил девушку, которая возбужденно махала рукой с опасно выглядящего уступа. Подумав, что она попала в беду, он поспешил к ней, но при этом поскользнулся и вывихнул лодыжку. Как оказалось, она вовсе не попала в беду, а просто подавала знак другу, находившемуся ниже по склону; она была опытным альпинистом, даже лучше, чем Чипс, который был довольно хорош. Таким образом, он оказался спасенным, а не спасителем; и ни одна из этих ролей не доставляла ему особого удовольствия. Ведь он, как он сам бы сказал, не любил женщин; он никогда не чувствовал себя с ними комфортно и непринужденно; и это чудовищное существо, о кото-

ром начали говорить, «новая женщина девяностых», наполняло его ужасом. Он был тихим, консервативным человеком, и мир, если смотреть на него из убежища Брукфилда, казался ему полным отвратительных нововведений; был один парень по имени Бернард Шоу, у которого были самые странные и предосудительные взгляды; Был ещё Ибсен со своими тревожными пьесами; и была эта новая мода на велосипеды, которой увлекались как женщины, так и мужчины. Чипс не разделял всей этой современной новизны и свободы. У него было смутное представление, если он вообще его когда-либо формулировал, что хорошие женщины слабые, робкие и хрупкие, а хорошие мужчины относятся к ним с вежливым, но довольно отстранённым рыцарством. Поэтому он не ожидал встретить женщину на Грейт-Гейбл; но, встретив ту, которая, казалось, нуждалась в мужской помощи, он ещё больше испугался, что она перевернет ситуацию, помогая ему. И она это сделала. Ей и её подруге пришлось. Он едва мог ходить, и спустить его по крутой тропе в Уосдейл было очень тяжело.

Ее звали Кэтрин Бриджес; ей было двадцать пять — достаточно молода, чтобы быть дочерью Чипса. У нее были голубые, сверкающие глаза, веснушчатые щеки и гладкие соломенно-желтые волосы. Она тоже отдыхала на ферме с подругой, и, считая себя виновной в несчастном случае с Чипсом, ездила на велосипеде вдоль озера к дому, где покоился тихий, серьезный на вид мужчина средних лет.

Сначала она так о нем и думала. А он, поскольку она ездила на велосипеде и не боялась навещать мужчину наедине в гостинной фермерского дома, смутно задавался вопросом, куда катится мир. Его растяжение связок поставило его в ее зависимость, и вскоре ему стало ясно, насколько сильно ему может понадобиться эта милость. Она была безработной гувернанткой, с небольшими сбережениями; она читала и восхищалась Ибсеном; она считала, что женщин следует принимать в университеты; она даже думала, что им следует предоставить право голоса. В политике она была радикалом, склоняясь к взглядам таких людей, как Бернард Шоу и Уильям Моррис. Все свои идеи и мнения она изливала Чипсу в те летние дни в Уосдейл-Хед; а он, поскольку не очень хорошо умел выражать свои мысли, поначалу не считал нужным им возражать. Ее подруга уехала, но она осталась; что же *можно* сделать с таким человеком, думал Чипс. Он обычно ковылял с палками по тропинке, ведущей к крошечной церкви; На стене висела каменная плита, и было удобно присесть, глядя на солнечный свет и величественный зелено-коричневый фасад Гейбла, слушая болтовню — ну да, Чипс должен был признать — очень красивой девушки.

Он никогда не встречал никого подобного ей. Он всегда думал, что современный тип, эта «новая женщина», будет его отталкивать; а вот она, заставляя его с нетерпением ждать момента, когда она пронесется на велосипеде по дороге вдоль озера. И она тоже никогда не встречала никого

подобного *ему* . Она всегда считала, что мужчины средних лет, читающие « *Таймс*» и не одобряющие современность, ужасно скучны; и все же вот он, привлекающий ее внимание гораздо больше, чем молодые люди ее возраста. Поначалу он ей нравился, потому что с ним было так трудно познакомиться, потому что у него были мягкие и тихие манеры, потому что его взгляды восходят к тем совершенно невозможным семидесятым и восьмидесятым годам и даже раньше — и все же, несмотря на это, были такими честными; и потому что — потому что у него были карие глаза, и он выглядел очаровательно, когда улыбался. «Конечно, я буду называть тебя Чипсом», — сказала она, узнав, что это было его прозвище в школе.

Уже через неделю они были без ума друг от друга; ещё до того, как Чипс научился ходить без трости, они посчитали себя помолвленными; и поженились в Лондоне за неделю до начала осеннего семестра.

Глава 5

Когда Чипс, проводя часы в мечтах у миссис Уикетт, вспоминал те дни, он смотрел на свои ноги и гадал, какая из них оказала ему столь важную услугу. Это, тривиальная причина стольких важных событий, было единственным, о чем он не мог вспомнить. Но он снова увидел величественный холм Гейбла (с тех пор он больше никогда не был в Озерном крае) и мышино-серые глубины Уостуотера под каменистыми склонами; он снова почувствовал запах свежего воздуха после сильного дождя и снова проследил за лентой перевала до Сти-Хед. Так отчетливо сохранились воспоминания о том времени головокружительного счастья, о вечерних прогулках у воды, о ее спокойном голосе и веселом смехе. Она всегда была очень счастливым человеком.

Они оба так стремились к совместному будущему, но он относился к этому довольно серьезно, даже немного с благоговением. Конечно, все будет хорошо, что она приедет в Брукфилд; другие воспитатели уже были женаты. И ей нравятся мальчики, сказала она ему, и она будет рада жить среди них. «О, Чипс, я так рада, что ты такой, какой ты есть. Я боялась, что ты адвокат, биржевой брокер, дантист или владелец крупного хлопкового бизнеса в Манчестере. Когда я впервые тебя встретила, я имею в виду. Работа школьного учителя — это совсем другое, так важно, не правда ли? Вли-

ять на тех, кто вырастет и станет значимым для мира...»

Чипс сказал, что никогда не думал об этом в таком ключе — или, по крайней мере, не часто. Он делал все, что мог; это все, что можно сделать на любой работе.

«Да, конечно, Чипс. Я тебя очень люблю за такие простые вещи».

И вот однажды утром — еще одно воспоминание, которое стало отчетливо видно, когда он оглянулся на него, — его почему-то охватило острое желание принизить себя и все свои достижения. Он рассказал ей о своем посредственном образовании, о своих периодических трудностях с дисциплиной, о своей уверенности в том, что он никогда не получит повышения, и о своей полной непригодности для женитьбы на молодой и амбициозной девушке. И в конце концов она лишь рассмеялась в ответ.

У неё не было родителей, и она вышла замуж в доме своей тёти в Илинге. В ночь перед свадьбой, когда Чипс ушёл из дома, чтобы вернуться в свой отель, она с притворной серьёзностью сказала: «Это важное событие, понимаешь — наше последнее прощание. Я чувствую себя немного как новенькая, начинающая свой первый семестр с тобой. Не боюсь, конечно, но просто, на этот раз, в совершенно уважительном настроении. Называть ли тебя «сэр» или «мистер Чипс» будет уместнее? «Мистер Чипс», думаю. До свидания, тогда — до свидания, мистер Чипс...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.